

С. В. Кулланда, Д. С. Раевский

ЭМИНАК В РЯДУ ВЛАДЫК СКИФИИ

Принято считать, что политическая история причерноморской Скифии может быть воссоздана преимущественно по фрагментарным сообщениям античных источников. Большинство специалистов полагает, что ее засвидетельствованное греко-римскими авторами пунктирное отражение лишь в некоторых моментах удастся подкрепить выборочными археологическими данными; в основном же работы, построенные на археологическом материале, призваны служить принципиально иной цели – восстановлению истории хозяйства и облика материальной культуры обитателей северопонтийского региона. Такое мнение во многом оправданно, и все же иногда удастся выявить человека, событие или явление, которые недостаточно или даже вовсе не фигурируют в вербальной традиции, а затем – после реконструкции данных о них – поддаются включению в единый контекст со сведениями этой традиции. Среди наиболее интересных работ такого плана следует назвать, к примеру, статью столь рано от нас ушедшего Ю.Г. Виноградова о перстне царя Скила¹. Исследование Ю.Г. Виноградова настолько расширило круг обозначенных в подзаголовке вопросов «политической и династийной истории скифов» по сравнению с данными античной традиции, что упомянутую статью следует скорее причислять к тем исследованиям по скифской истории, что ставят во главу угла собственно археологический материал. В развитие данного подхода мы хотим привлечь внимание читателей к методологически сходной реконструкции, в еще большей мере опирающейся на материальные, а не на вербальные данные (хотя создание такой реконструкции предполагает, конечно, привлечение обширного и разнообразного сопутствующего материала – в том числе повествовательного), проследить шаг за шагом историю ее формирования и привести в ее подтверждение дополнительные аргументы.

Речь пойдет об одном из обитателей Северного Причерноморья античной эпохи, засвидетельствованном единственной серией памятников – ольвийскими монетами с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ на аверсе, представляющей собой родительный падеж от имени Εμίνακος или Εμίνακης (ср. ниже, прим. 55) с характерной для северопричерноморских надписей V–IV вв. до н.э. заменой несобственного ου на *омикрон*² (рис.). Предпринимаемые время от времени попытки объединить в одну с этими монетами смысловую серию и иные материальные объекты успехом пока не увенчались. Так, предложенное В.П. Яйленко восстановление встреченных на ольвийском посвяtitельном граффито букв *νακο* как бесспорного окончания имени Εμίνακος, поскольку, по мнению этого автора, иных имен с окончанием *-νακος* в Ольвии

¹ Виноградов Ю.Г. Перстень царя Скила. Политическая и династийная история скифов первой половины V в. до н.э. // СА. 1980. № 3.

² Об этом явлении см., в частности, составленный А.И. Доватуром грамматический очерк боспорских надписей – КБН. С. 801. § 4, 2. Правда, там речь идет только об именах II склонения с основой на ο, но то же характерно и для имен I склонения с основой на α.

Ольвийская монета Эминака

V в. до н.э. мы не знаем³, встретило возражение со стороны Ю.Г. Виноградова⁴, указавшего на существование в этом городе и его округе и иных антропонимов с указанным конечным элементом или его вариантом - $\nu\acute{o}\kappa\eta\varsigma$. На сегодняшний день с интересующим нас эпизодом припонтийской истории удается уверенно связать лишь указанную серию монет.

Эти предметы вошли в научную литературу как «монеты Эминака» – человека, обозначенного на статерах лишь по имени и обладавшего неясным по первому впечатлению статусом. Аверс монет содержит помимо указанной надписи изображение Геракла в накинутой на голову и плечи львиной шкуре, вставшего на правое колено и натягивающего тетиву на лук, пропущенный под коленом согнутой левой ноги. На реверсе тех же монет представлено в нескольких вариантах колесо с четырьмя спицами, по четырем сторонам от которого снаружи помещены фигурки дельфинов. Толкование этих монет, изображения и легенды на них прошло достаточно длительный путь.

Монеты Эминака известны уже давно. Большая их часть, пусть и не имеющая точных паспортных данных, безусловно найдена в Ольвии или ее окрестностях, и ни один экземпляр не соотносится сколько-нибудь надежно с иными областями эллинского мира. Известно, что несколько таких монет происходят из клада, обнаруженного в конце XIX или самом начале XX в. в некрополе той же Ольвии; правда, за исключением единичных экземпляров из его состава, попавших (также без необходимой паспортизации) в музеи России и Украины, клад этот разошелся по зарубежным собраниям, преимущественно частным⁵.

О происхождении ряда монет серии нет даже таких приблизительных данных. Только в 1971 г. одна монета Эминака была наконец обнаружена при раскопках на участке АГД ольвийского Верхнего города и стала первым экземпляром рассматриваемой группы, обладающим необходимой полевой документацией⁶. Керамический материал из ямы, содержащей эту монету, по

³ Яйленко В.П. Несколько ольвийских и березанских граффити (по материалам Одесского археологического музея) // КСИА. 1979. 159. С. 56–57.

⁴ Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса. VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 94. Прим. 63.

⁵ Карышковский П.О. О монетах с надписью EMINAKO // СА. 1960. № 1. С. 180.

⁶ Он же. Новые материалы о монетах Эминака // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984. С. 78.

свидетельству А.С. Русяевой⁷, «не выходит за рамки первой половины – третьей четверти V в. до н.э.». Еще одна монета Эминака была найдена в 1989 г. при раскопках на участке НГС Ольвийского городища в слое, датируемом авторами публикации серединой V в. до н.э.⁸ В итоге в настоящее время учтено не менее 25 монет рассматриваемой серии. Кроме того, признано, что с монетами Эминака связан и найденный в 1962 г. при раскопках в той же Ольвии фрагмент сероглиняной ойнохой местной работы с энглифическим клеймом, штампом для которого послужил один из известных типов реверса таких монет⁹.

Не останавливаясь на первых опытах интерпретации монет Эминака, во многом повторенных в более поздних работах, обратимся к исследованиям XX в., демонстрирующим постепенное продвижение по пути установления времени и обстоятельств их чеканки, определения содержания и смысла изображений на обеих сторонах монеты, выявления культурно-исторического смысла этих изображений и стремления вписать предложенное толкование в соответствующую историческую обстановку.

Начать описание этого процесса представляется уместным с упоминания работы А.Н. Зографа «Античные монеты»¹⁰, подведшей определенный итог предшествующих отечественных исследований по античной нумизматике Северного Причерноморья. В этой работе А.Н. Зограф трактовал монеты Эминака как древнейшие в Ольвии после длительного периода применения там исключительно монетного литья случаи денежной чеканки и датировал их второй половиной V в. до н.э. или его серединой; он полагал, что выпуск этих монет был лишь кратким эпизодом на фоне продолжавшегося выпуска в городе литых монет¹¹.

По неясной причине вопрос о содержании и смысле изображения на этих монетах А.Н. Зограф в этой книге обошел молчанием, хотя в более ранней работе им же было высказано предположение о помещении на них имени и эмблемы некоего варварского династа, каких мы знаем в Ольвии более поздней поры¹². Возможно, ко времени выхода названного компендиума исследователь отказался от этой мысли; во всяком случае надпись на этой монете он теперь считал воспроизведением имени «заведовавшего выпуском монеты магистрата»¹³.

Чтобы не возвращаться в дальнейшем к проблеме датировки монет Эминака, кратко проследим эволюцию отношения к этому вопросу на протяжении последних десятилетий. В первой статье, специально посвященной этой

⁷ Русяева А.С. Земледельческие культуры в Ольвии догетского периода. Киев, 1979. С. 156. Прим. 11.

⁸ Лейпунская Н.А., Назарчук В.И. Новая находка монеты Эминака в Ольвии // Древнее Причерноморье. II. Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса, 1991. С. 54; они же. Нова знахідка монети Емінака в Ольвії // Археологія. 1991. № 1. С. 115–119. С этими работами авторам удалось ознакомиться благодаря любезности С.С. Бессоновой.

⁹ Карышковский. Новые материалы... С. 81–82.

¹⁰ Зограф А.Н. Античные монеты. М., 1951 (МИА, № 16).

¹¹ Там же. С. 123, 125.

¹² Зограф А.Н. К вопросу об изображении стрельбы из лука на монетах Ольвии и Херсонеса // Сборник статей в честь академика С.И. Жебелёва. Л., 1926. С. 151; ссылка дана по П.О. Карышковскому (О монетах с надписью... С. 182. Прим. 36), поскольку в Российской государственной библиотеке соответствующий сборник ввиду ремонтных работ временно недоступен, а найти его в других книжных собраниях Москвы нам не удалось.

¹³ Зограф. Античные монеты. С. 125; см. также Зограф А.Н. Денежное обращение и монетное дело Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М. – Л., 1955. С. 150.

монетной серии, П.О. Карышковский¹⁴ вопреки мнению А.Н. Зографа датировал ее достаточно поздним временем – около 410 г. до н.э., что впоследствии счел своей ошибкой. В настоящее время, после появления посвященной той же теме второй статьи П.О. Карышковского, принято, с учетом упомянутых документированных находок монет Эминака, относить выпуск монет данной серии ко времени около середины V в. до н.э., считать их чеканившимися на протяжении 15–20 лет и находившимися в обращении достаточно долгое время¹⁵.

Начало по-настоящему целенаправленной интерпретации надписи и изображения было положено именно выходом первой из указанных статей П.О. Карышковского. Для нашей темы существенно прежде всего, что, подводя в этой статье итог длительной дискуссии о значении легенды на монетах Эминака, исследователь окончательно сформулировал вывод, что она представляет форму родительного падежа от личного имени Ἐμίνῆκος. Важно также, что автор, следуя в этом за рядом своих предшественников, пришел к заключению о явно негреческой принадлежности этого имени, причем был склонен принять суждение Э. Миннза о его «скорее ирано-скифском, чем фракийском» характере¹⁶. Там же П.О. Карышковский привел ссылку на известную работу В.И. Абаева «Скифский язык»¹⁷, в которой продемонстрирована важная роль в скифских и сарматских наречиях собственных и нарицательных имен с суффиксом -ак, -ag. К этому аспекту толкования монет Эминака нам еще придется обратиться. Сейчас же важно отметить, что заключение П.О. Карышковского о варварском происхождении этого персонажа породило новые проблемы в интерпретации монет с его именем.

Опираясь на мнение Т.Н. Книпович о немногочисленности в составе населения Ольвии на интересующем нас этапе ее истории достаточно видных лиц негреческого происхождения¹⁸, П.О. Карышковский скептически оценил предлагавшееся большинством предшествующих исследователей толкование Эминака как ольвийского монетного магистрата. Он выразил сомнение в том, что человек варварского происхождения «мог достигнуть такого высокого общественного положения, чтобы его именем были отмечены первые выпуски ольвийского серебра и вообще чеканной монеты»¹⁹.

Чтобы уяснить истинный статус Эминака, необходимо было рассмотреть всю совокупность элементов декора его монет. Потому-то самым важным для интересующей нас темы достижением П.О. Карышковского стало толкование персонажа, представленного на их аверсе; именно оно ввело эти монеты в круг важных источников по скифской истории. Этого персонажа П.О. Карышковский трактовал в духе разработанной Б.Н. Граковым гипотезы о «скифском Геракле»²⁰, предлагая видеть в нем изображение центральной фигуры скифской генеалогической легенды, отца троих сыновей и родоначальника скифских царей (Herod. IV. 9–10), выполненное в греческой традиции и

¹⁴ Карышковский. О монетах с надписью... С. 189.

¹⁵ Он же. Новые материалы... С. 84–85; см. также Виноградов. Политическая история... С. 93.

¹⁶ Minns E.H. Scythians and Greeks. Cambr., 1913. P. 487; Карышковский. О монетах с надписью... С. 182.

¹⁷ Абаев В.И. Скифский язык // Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. I. М. – Л., 1949. С. 221 сл.

¹⁸ Книпович Т.Н. Население Ольвии в VI–I вв. до н.э. по данным эпиграфических источников // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. М. – Л., 1956. С. 119 сл. (МИА, № 50).

¹⁹ Карышковский. О монетах с надписью... С. 182.

²⁰ Граков Б.Н. Скифский Геракл // КСИИМК. 1950. XXXIV.

соответственно представляющее не скифа, а знаменитого эллинского героя²¹. Воплощенное на монете действие изображенного персонажа автор рассматривал как выполнение главного из обозначенных в легенде испытаний, предложенных скифским Гераклом своим сыновьям, – требования натянуть тетиву на один из двух принадлежащих ему луков. Исследователь также сопоставил позу Геракла на монете и позу одиночного лучника на кубке из Куль-Обы как передающие один и тот же присущий обитателям Северного Причерноморья способ обращения с этим видом оружия²², хотя сюжетного единства между изображениями и не предположил. Композицию же на реверсе монет Эминака П.О. Карышковский трактовал – в отличие от связанного со скифским мифом изображения на аверсе – как несомненно продиктованную эллинской символикой, бытовавшей в частности в Ольвии²³. Резюмируя все сказанное, П.О. Карышковский предложил «видеть в Эминаке скифского царя, возводившего свой род к Таргитаю-Гераклу, или ольвийского гражданина негреческого происхождения», но независимо от предпочтения того или иного толкования «самый факт помещения на обращавшихся в Ольвии монетах изображения, столь тесно связанного с верованиями и священными преданиями скифов», он счел «не лишенным значения свидетельством о продолжающемся сближении ольвиополитов с местными племенами – или, точнее выражаясь, с их верхними слоями»²⁴.

Иными словами, в трактовке обстоятельств, связанных с выпуском ольвийских монет Эминака, рассмотренная статья важна прежде всего безоговорочным признанием однозначной связи главного изображения на них с сюжетом скифского генеалогического мифа. Однако предположение П.О. Карышковского о возможности альтернативного истолкования статуса самого Эминака существенно затрудняло культурно-историческое осмысление полученных выводов. Если усомниться в гипотезе о магистратуре Эминака, как это по существу сделал исследователь, то не вполне ясно, о какой форме «сближения» ольвиополитов со скифами, кроме подчинения города варварскому правителю, может идти речь: какое еще проявление этого сближения могло выразиться в помещении на ольвийских монетах свидетельства богоданности происхождения власти скифских царей? Тем не менее последующее осмысление монет Эминака разными исследователями за немногими исключениями с большей или меньшей четкостью следовало то одному, то другому из двух сформулированных П.О. Карышковским толкований.

Так, А.Г. Сальников, однозначно выступивший сторонником первой из этих трактовок, полагал, что «Эминак был скифским царем, осуществлявшим в той или иной форме власть над Ольвией», первым в ряду, который в дальнейшем пополнили властители позднейшей скифской эпохи; к их числу автор отнес Скилура, Фарзоя и Иненсимея (Инисмея). Тем самым он фактически вернулся к гипотезе, некогда предложенной А.Н. Зографом. По мнению исследователя, выбор сюжета, представленного на монетах Эминака, отнюдь не случаен, поскольку это изображение было призвано «внушить ольвиополитам и другим грекам идею о божественном происхождении власти скифских царей»²⁵. Впи-

²¹ Карышковский. О монетах с надписью... С. 191.

²² Там же. С. 193.

²³ Там же. С. 189. Прим. 86.

²⁴ Там же. С. 194–195.

²⁵ Сальников А.Г. Монеты скифских царей, чеканенные в Ольвии // Записки Одесского археологического общества. Т. 1. Одесса, 1960. С. 86.

сать свою трактовку Эминака в контекст разнообразных свидетельств об истории как Ольвии, так и Скифии А.Г. Сальников, однако, не попытался.

Мы не затрагиваем здесь не имеющего отношения к рассматриваемой теме вопроса, правомерно ли причислять Фарзоя или Иненсимея к позднескифской династии, в последнее время вновь ставшего дискуссионным²⁶. Гипотеза же А.Г. Сальникова о принадлежности Эминака к правившим в Ольвии скифским царям по сути совпала с одним из толкований интересующих нас монет П.О. Карышковским и отвергла менее аргументированную альтернативную его гипотезу.

Позже А.М. Хазанов, приняв, как и два предыдущих исследователя, тезис о связи сюжета на монетах Эминака со скифским генеалогическим преданием, продолжал допускать оба толкования статуса обозначенного в их легенде человека – либо как не упомянутого в других источниках скифского царя, либо как ольвийского монетария негреческого происхождения, – но отдавал определенное предпочтение второй гипотезе. К ней его склоняло то обстоятельство, что монеты Эминака – не донативные образцы, а средство реального денежного обращения на территории Ольвии и ее хоры²⁷. Предположение же о чеканке скифским царем в этом городе монеты, имевшей не прокламативный характер, а по-настоящему используемой ольвиополитами, т.е. допущение реального господства этого царя над Ольвией, в те годы представлялось большинству ученых не заслуживающим серьезного обсуждения.

Вопроса о том, что же кроме скифского происхождения Эминака определило в таком случае выбор этим предполагаемым ольвийским магистратом сюжета скифской легенды в качестве мотива, избранного для помещения на ольвийских монетах, А.М. Хазанов по существу не поставил. Можно лишь предполагать, что он и в этом следовал за П.О. Карышковским, воспринимавшим запечатленный на монете скифский сюжет как свидетельство божественного происхождения «не царей в смысле правящей династии, но всех царских скифов»²⁸, к которым в этом случае мог причислять себя и выходец из скифской среды, достигший должности ольвийского монетария. Однако такое толкование, во-первых, допускает весьма высокую произвольность при выборе ольвийским должностным лицом изображения для выпускаемых им монет, а во-вторых, вряд ли созвучно пониманию в скифской среде воспроизведенного на монете мифа, связанного именно с царской идеологией. Об этом говорят все данные, отражающие циркуляцию интересующего нас мифического сюжета в Причерноморье. К их анализу в этой связи и следовало обратиться.

Попытку рассмотреть с такой точки зрения монеты Эминака в ряду разнообразных памятников, отражающих историю становления скифской царской идеологии, предпринял в 1970-х годах один из авторов данной статьи. Он истолковал изображения на некоторых ритуальных сосудах из скифских курганов как развернутые иллюстрации к упомянутому скифскому генеалогическому мифу. Так, одиночная сцена на вазе из Куль-Обы, уже сочтенная П.О. Карышковским иконографической аналогией изображению на монете Эминака, была соотнесена со скифской легендой не только сугубо формально, но и по содержанию – как воплощение момента надевания тетивы на лук, принадле-

²⁶ См., к примеру: *Карышковский П.О.* О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 76–79.

²⁷ *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. М., 1975. С. 242–243.

²⁸ *Карышковский.* О монетах с надписью... С. 191.

жащий скифскому «Гераклу». Другие части композиции на этом сосуде автор признал изображением остальных эпизодов того же сюжета – неудачи двух старших сыновей героя и триумфа младшего²⁹. Опираясь на такое же толкование содержания сходных сцен, представленных на целом ряде драгоценных сосудов из Скифии, он счел их воплощением идеи божественного происхождения не племени скифов царских, согласно концепции П.О. Карышковского и, возможно, А.М. Хазанова, а действительно царей и видел в этих сосудах инвестиционные атрибуты властителей Скифии или в крайнем случае местных скифских царьков³⁰.

При этом, по предложенному толкованию, сцены интересующего нас мифа представляли в скифском инвестиционном ритуале в сугубо местной аранжировке (хотя и греческой работы) – как эпизоды из истории скифских персонажей. Если же сходные по смыслу изображения предназначались для сферы активного общения между скифами и припонтийскими греками, более адекватным оказывалось обращение к эллинскому осмыслению той же легенды, и в качестве прародителя скифских владык выступал уже давно отождествленный с ним Геракл. Это полностью соответствует наблюдению Б.Н. Гракова о наличии в северочерноморских памятниках изображений этого героя как в варварском, так и в греческом воплощении³¹. Именно по этой причине как раз в последнем облике Геракл и изображен на аверсе одной из серий монет, чеканенных около середины IV в. до н.э. по заказу скифского царя Атея в каких-то припонтийских городах³². В.А. Анохин, опубликовавший наиболее обстоятельные работы об этих монетах, настаивает на гераклейском происхождении интересующей нас серии, что, однако, вызвало определенные возражения со стороны такого, к примеру, знатока античной нумизматики, как Д.Б. Шелов³³. Не вдаваясь в сугубо специальный вопрос о месте чеканки монет этого скифского властителя, ограничимся констатацией, что монеты Атея снабжены изображением героя все того же скифского генеалогического мифа, хотя и в его

²⁹ Раевский Д.С. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея // СА. 1970. № 3. С. 95–97; *он же*. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 34–36. Дополнительные аргументы в поддержку такого толкования декора куль-обской вазы см. *он же*. Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 18–20.

³⁰ *Он же*. Скифский мифологический сюжет... С. 92–95; *он же*. Очерки идеологии... С. 30–39.

³¹ Граков. Скифский Геракл. С. 12–13. Любопытно, что И.Б. Брашинский во втором издании своей популярной книжки о сокровищах из скифских курганов (В поисках скифских сокровищ. Л., 1979. С. 46), изложив предложенное Д.С. Раевским толкование рассмотренного сюжета на куль-обской вазе, счел необходимым отметить, что у персонажа на куль-обском сосуде нет неизменных атрибутов Геракла – лвиной шкуры и палицы. По его словам, «эти атрибуты, или хотя бы один из них, обязательно присутствуют в любых изображениях героя – исключения здесь невозможны. На куль-обском же сосуде их нет, и это заставляет с осторожностью отнестись ко всей приведенной трактовке». Здесь полностью проигнорировано различие между настоящим Гераклом эллинской традиции, иногда отождествляемым со скифским героем, и «скифским Гераклом», т.е. время от времени связываемым с греческим Алкидом, а порой и совершенно самостоятельным персонажем скифского мифа.

³² Анохин В.А. Монеты скифского царя Атея // Нумизматика и сфрагистика. Вып. 2. Киев, 1965; Раевский. Скифский мифологический сюжет... С. 98–99; *он же*. Очерки идеологии... С. 167–169. Известны два типа монет Атея. К интересующей нас серии часто относят экземпляр из собрания Гос. Исторического музея и монету из Гос. Эрмитажа (Анохин В.А. Монеты Атея // Скифские древности. Киев, 1973. С. 21–32). Однако некоторые исследователи отмечают изготовление эрмитажного экземпляра методом литья и на этом основании, как и по ряду других причин, считают его подделкой (Брабич В.М. Подлинна ли монета Атея из собрания Эрмитажа? // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977). При этом автор указанной статьи подчеркивает, что сомнение в подлинности «касается только эрмитажной монеты» (Там же. С. 155. Прим. 16).

³³ Шелов Д.Б. Царь Атей // Нумизматика и сфрагистика. С. 36. Прим. 86.

эллинической трактовке, и это вводит рассматриваемые предметы в тот же круг атрибутов скифской царской идеологии. Не менее в этом смысле существенно, что на реверсе тех же монет вместе с легендой, содержащей имя Ἀταίᾱς, в традиции так называемого этнографического реализма представлен персонаж скифского облика – быть может, сам названный здесь царь³⁴. Подобное двуединство изображения на обеих сторонах монеты существенно расширило круг людей, воспринимавших в древности его смысл.

С учетом сказанного правомерно было толковать и изображение на монетах Эминака как иллюстрацию к рассмотренному скифскому мифу, т.е. продолжить их интерпретацию в предложенном П.О. Карышковским ключе. Сославшись вслед за этим автором на уже упомянутое суждение Т.Н. Книпович о малочисленности негреческих граждан в припонтийских полисах столь раннего времени, Д.С. Раевский, как ранее А.Г. Сальников, из двух вариантов атрибуции исторического деятеля, имя которого обозначено на интересующих нас монетах, выбрал один: он трактовал его как не упомянутого в письменной традиции скифского царя, одного из предшественников Атея, исходя из предлагавшейся в те годы П.О. Карышковским хронологии рассматриваемых монет, даже, возможно, непосредственного его предшественника. Помещение на аверсе монет как Атея, так и Эминака изображений одного и того же героя, Геракла, позволяло полагать, что Эминак ставил перед собой те же задачи, что и известный по разным источникам более поздний царь Скифии, – утверждение богоданной власти скифских царей в глазах как самих скифов, так и греков. Эти попытки, по тогдашней трактовке, опирались на те же методы, что и заметны в действиях Атея, и на такое же идеологическое их обоснование – на чеканку в одном из припонтийских полисов собственной монеты, украшенной изображением героя скифского мифа в облике Геракла. Уточнение датировки монет Эминака заставляет теперь отказаться от сближения их во времени с эпохой Атея, но тезис о близости семантики обеих серий по-прежнему представляется нам верным.

Нужно, однако, отметить, что в содержавших эту интерпретацию работах Д.С. Раевский не проявил должного внимания к одному существенному различию между монетами Атея и Эминака. Чрезвычайная редкость монет первого позволила В.А. Анохину с достаточным основанием утверждать, что «чеканка монеты Атеем являлась для скифского государства прежде всего и в основном политическим актом», не вызванным насущной экономической потребностью³⁵. Интересующие же нас монеты Ольвии, как уже говорилось, действительно обращались в городе и его округе, причем в сравнительно большом количестве и на протяжении довольно долгого времени. Естественно, и подход к этим сериям памятников должен быть дифференцированным.

Реальное участие монет Эминака в ольвийском денежном обращении, видимо, и дало А.С. Русяевой основание при разборе их интерпретации Д.С. Раевским отметить, что «совершенно непонятно, зачем царь занимался чеканкой

³⁴ Анохин. Монеты Атея. С. 29. Такое толкование монет Атея интересующей нас серии (или, во всяком случае, одного достоверно подлинного экземпляра) позволяет в определенной мере сопоставить их с парфянским чеканом достаточно позднего времени: здесь на одной стороне монеты угадывается близкий к герою того же скифского мифа образ ведущего свой род от богов родоначальника царской династии Аршака, а на другой – изображение того из реальных царей этой династии, ко времени правления которого выпуск данной монеты относится. См. Раевский Д.С. К вопросу об обосновании царской власти в Парфии («Парфянский лучник» и его семантика) // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 84.

³⁵ Анохин. Монеты скифского царя Атея. С. 14.

монет для потребностей Ольвийского государства», а потому «заманчивая попытка» найти в обозначенном на них персонаже «еще одного скифского царя» ни на чем не основана³⁶. Несколько более убедительной посчитала исследовательница гипотезу А.М. Хазанова об Эминаке как ольвийском монетарии скифского происхождения, хотя еще более вероятным сочла полное отсутствие в изображениях на его монетах скифской семантики. По ее мнению, толкованию Геракла на рассматриваемых монетах как героя скифского мифа противоречат «его чисто греческие черты и атрибуты», отсутствие у него специфичного именно для скифского героя второго лука, а также наличие на реверсе этих монет «символических знаков, имеющих прямое отношение к Аполлону». Одновременно А.С. Русяева настаивала, что изображение именно скифского героя на интересующих нас монетах «не соответствует историко-политическому положению Ольвии в период расцвета», т.е. в эпоху их выпуска. «В противоположном случае, – полагала она, – следовало бы признать зависимость Ольвии от скифских царей. Однако свидетельства, которые могли бы в какой-то мере подтвердить сказанное, отсутствуют»³⁷.

Нужно сказать, что в суждении А.С. Русяевой заметна определенная логика: предполагать скифскую семантику изображений на монетах Эминака можно лишь при толковании самого этого персонажа как правившего в Ольвии скифского царя; если же, как полагает исследовательница, такая ситуация исключена, то нет и причин интерпретировать изображение на основе скифского мифа. Прежде чем продолжить разбор этой точки зрения, коснемся примыкающей к ней работы М.В. Скржинской, несколькими годами позже попытавшейся еще более радикально трактовать все случаи, когда у обитателей Северного Причерноморья среди мифических персонажей назван или изображен Геракл. Отметив настойчивое стремление большого числа как отечественных, так и зарубежных ученых выявить в рассказанном Геродотом мифе о пребывании этого героя в Скифии «элементы скифского мифотворчества», исследовательница категорически настаивает, что в действительности перед нами здесь «не скифский персонаж, а сугубо греческий герой»³⁸.

В связи с этим можно напомнить одно из основных проявлений сравнительной мифологии во взаимодействии античного мира с его варварской периферией: этот мир зачастую отождествлял мифических героев местных племен со своими богами, а этих последних настойчиво соотносил с местными божествами. Сейчас не в чести ссылки на К. Маркса, однако имеет смысл привести цитату из его сочинений как суждение человека, весьма далекого от скифологии, но достаточно хорошо вникшего в исторические источники интересующего нас круга: «Греки полагали, что в египетских, ливийских, даже скифских богах им удастся узнать своего Аполлона, свою Афину, своего Зевса»³⁹. Следование древних авторов этому принципу делает более чем вероятным выявление в античных текстах о Скифии данных о местных мифических персонажах, скрывающихся под греческими именами.

При этом существенно, что М.В. Скржинская, видя в каждом элементе интересующего нас мифического сюжета ту или иную «истинно греческую

³⁶ Русяева. Земледельческие культы... С. 156.

³⁷ Там же. С. 141–142.

³⁸ Скржинская М.В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991. С. 14–15. Заметим, что такой же тенденции этот автор придерживается при осмыслении и многих иных античных свидетельств о Северном Причерноморье.

³⁹ Маркс К. Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая) // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. М., 1954. С. 74.

тенденцию»⁴⁰, не обратила внимания на настойчивое выделение в древних пересказах этого сюжета, связанных с припонтийской мифической историей (причем не только у Геродота, но и в иных текстах), именно таких элементов, которых могло и не быть в исконных античных версиях, но которые зато прямо соответствуют разнообразным мифологическим традициям индоиранского мира. Такова, к примеру, неоднократно проанализированная исследователями прямая сюжетная перекличка между мифом о Геракле в Скифии и рассказом о Ростеме и Техмине в крупнейшем своде иранского эпоса – «Шахнаме» Фирдоуси⁴¹. При этом М.В. Скржинская дает ссылку на посвященный этому мотиву пассаж работы В.Ф. Миллера, правда, неверно обозначая год ее издания, но отмеченное этим исследователем сугубо специфичное сюжетное схождение двух обозначенных источников обходит полным молчанием⁴².

То, что в рассказе о скифском Геракле упомянут эллинский сюжет победы героя над Герионом, казалось бы, не имеющий никакого отношения к основному повествованию, по мнению М.В. Скржинской, объясняется тем, что «именно к этому подвигу легче всего привязывалось посещение Скифии. Действие происходило далеко за пределами Греции, в пути Гераклу пришлось иметь немало хлопот с волшебными коровами, так что ему не раз приходилось уклоняться от прямой дороги»⁴³. Следуя этому сугубо рационалистичному толкованию, исследовательница не обращает внимания на то, что именно данный сюжет из цикла мифов о Геракле, как давно установлено, весьма тесно перекликается с арийскими сказаниями, где действует персонаж, похищающий быков или коров. Вкрапление этого упоминания в скифский пересказ мифа особенно сходно с приведенным у Фирмика Матерна митраистским мотивом: в обоих случаях фигурируют мужской персонаж, угоняющий быков, и женское божество со змеями⁴⁴. «Поведение» сюжета обусловила именно близость мифологических мотивов, а не доставляющее Гераклу «много хлопот» поведение коров Гериона. Такие наблюдения можно было бы многократно умножить.

Все приведенные данные заставляют считать, что свойственный работам А.С. Русяевой и М.В. Скржинской взгляд на античные свидетельства о Причерноморье как на продукт чисто эллинского творчества, лишенный каких-либо местных влияний, не учитывает ряд важных источниковедческих аспектов осмысления рассматриваемого в их книгах материала и потому вряд ли может быть принят. К тому же суждение на сей счет А.С. Русяевой уже подверглось критике именно в связи с изучением монет Эминака во второй посвященной им статье П.О. Карышковского.

Последний рассмотрел некоторые особенности иконографии, представленной на интересующих нас монетах. Так, отсутствие у изображенного там Геракла второго лука, столь, по мнению А.С. Русяевой, важное для определения персонажа, можно объяснить характером его одеяния: в нем отсутствует пояс, на который этот лук можно было бы подвесить. Существенно, что для несколько более поздней ольвийской нумизматики достаточно характерно соединение в декоре одной монеты «эмблем эллинского города и варварского правителя», и, стало быть, сочетание изображения Геракла и колеса на эк-

⁴⁰ Скржинская. Древнегреческий фольклор... С. 15.

⁴¹ Миллер В.[Ф.]. Экскурсы в область русского народного эпоса. I–VIII. М., 1892. С. 118–119; Раевский. Модель мира... С. 38–45.

⁴² Скржинская. Ук. соч. С. 17.

⁴³ Там же. С. 18.

⁴⁴ Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Вып. III. М., 1887. С. 129; Раевский. Очерки идеологии... С. 56.

земплярах Эминака не может служить бесспорным доказательством точки зрения А.С. Русяевой, согласно которой в образе героя нет оснований усматривать воплощение скифского Геракла; к тому же представленное на реверсе этих монет колесо не чуждо иранским мифологическим представлениям. Поэтому культурно-исторические аргументы А.С. Русяевой, якобы опровергающие попытки усмотреть в персонаже на монетах Эминака героя скифского мифа, П.О. Карышковский счел недостаточно основательными, а ее же возражения против толкования чеканившего их лица как скифского царя – чересчур абстрактными⁴⁵.

Последнее замечание П.О. Карышковского адресовано и одному из авторов данной статьи, казалось бы, придерживающемуся противоположных мнению А.С. Русяевой взглядов. Дело в том, что в свое время Д.С. Раевский предположил, что в эпоху чеканки интересующих нас монет, в период становления скифской государственности «захват скифами достаточно сильного полиса был еще маловероятен», и потому счел возможным скорее «говорить об использовании Эминаком ольвийского монетного двора»⁴⁶. Этот же пассаж подвергся и вполне, как мы убедимся дальше, справедливой критике со стороны Ю.Г. Виноградова⁴⁷. Здесь следует еще раз повторить, что признание активного хождения рассматриваемых монет в Ольвийском государстве заставляет сегодня отказаться от содержащегося в приведенной цитате суждения об этих монетах как не слишком связанных с Ольвией, а лишь выпущенных ольвийским монетным двором. Гипотеза же о протекторате Эминака над указанным полисом все явственнее получает право на существование и все больше кажется соответствующей нашим нынешним представлениям о политической ситуации и в Ольвии, и в Скифии⁴⁸.

Вскоре после появления книги А.С. Русяевой, где была решительно отвергнута мысль о царском статусе Эминака, Ю.Г. Виноградов, один из лучших отечественных исследователей политической истории Ольвии, предположил, что «Ольвия этого времени находилась под контролем владык скифского царства»⁴⁹. В последующие годы этот автор убедительно обосновал свою идею с привлечением самых разнообразных материалов⁵⁰. Соединив собственную концепцию политического состояния Ольвии в V в. до н.э. с претерпевшим за долгие годы значительную эволюцию представлением о статусе Эминака, от лица которого чеканилась интересующая нас монета, он пришел к выводу, что означенный деятель и был одним из тех, кто осуществлял скифский протекторат над полисом. В целом же, по Ю.Г. Виноградову, соответствующий процесс охватывал время правления в Скифии Ариапифа, Скила, Октамасада и, вероятно, нескольких последующих царей.

Предположение это представляется более чем правомерным, хотя, на наш взгляд, нуждается в некотором уточнении. Дело в том, что сам Ю.Г. Виноградов видел в Эминаке либо одного из местных династов, либо варварского наместника скифского царя Октамасада, явно отдавая предпочтение последней версии⁵¹. Между тем ей противоречит декор монет, являвшихся предме-

⁴⁵ Карышковский. Новые материалы... С. 82–83.

⁴⁶ Раевский. Очерки идеологии... С. 171.

⁴⁷ Виноградов. Политическая история... С. 94. Прим. 64.

⁴⁸ Раевский Д.С. Социальные и культурные концепции древних иранцев по материалам Скифии: Дис... докт. ист. наук. М., 1988. С. 358–359.

⁴⁹ Виноградов Ю.Г. Синопа и Ольвия в V в. до н.э. Проблема политического устройства (часть II) // ВДИ. 1981. № 3. С. 57 сл.

⁵⁰ Виноградов. Политическая история... С. 90 сл.

⁵¹ Там же. С. 117–121.

том рассмотрения настоящей статьи: соединение на одной, лицевой стороне монеты безусловно царской символики – сюжета, воплощающего инвеститурный акт, – с именем подчиненного царю лица представляется в корне противоречащим царской идеологии древних ираноязычных народов. Такого противоречия мы не случайно не находим, к примеру, на монетах Ариха – также, по Ю.Г. Виноградову, варварского наместника в Ольвии, осуществлявшего власть над городом от имени царя Скила. На аверсе его оболон нет царского инвеститурного символа – Геракла, а представлен лик Горгоны, тогда как имя предполагаемого наместника помещено на реверсе и сочетается с полисной символикой – колесом или изображением орла и дельфина. Царский же символ, помещенный на монете Эминака вместе с его именем, заставляет в этом контексте предпочесть неоднократно предлагавшееся толкование данного персонажа как самостоятельно властвовавшего над Ольвией скифского правителя. Он мог в самом деле быть династом не слишком крупного масштаба, местным царьком, но мог быть и верховным владыкой Скифии, сменившим на скифском престоле упомянутого у Геродота Октамасада. Неясность хронологических границ правления этого фигурирующего в рассказе Геродота скифского властителя, с одной стороны, и некоторая приблизительность датировки чекана Эминака, с другой, не позволяют однозначно предпочесть одно из этих толкований. Однако обнаружение в последние десятилетия монет, чеканенных в другом античном городе, Никонии, от имени Скила⁵² – подлинного скифского царя, входящего в ряд упомянутых Геродотом владык Скифии, – составляет полную аналогию ситуации с монетами Эминака, и это, на наш взгляд, делает гипотезу о царском статусе последнего достаточно вероятной. В таком случае скифская династия, осуществлявшая протекторат над Ольвией, пополнилась бы именем еще одного представителя, не попавшего в письменную традицию по той простой причине, что период его правления находится за рамками Скифского логоса Геродота.

В связи с этим следует вновь обратиться к имени Эминака. Решению спорного вопроса о его языковой принадлежности⁵³, а также об этническом происхождении и статусе его носителя препятствовало отсутствие этимологии. Попыток этимологизации интересующего нас имени нет ни в работах В.Ф. Миллера (впрочем, ему, как и его предшественникам – Цейсу, Мюлленгофу и пр., оно еще не могло быть известно), ни у М. Фасмера и Л. Згусты, ни в фундаментальном компендиуме В.И. Абаева.

Хотя анализ имени Эминака ввиду его достаточно простой структуры и не требует пересмотра общепризнанных фонетических соответствий между скифским и иными иранскими языками, для надежного толкования ряда приводимых для сравнения скифских царских имен необходимо учесть достигнутые в основном в последние полтора десятка лет результаты, в корне изменившие наши представления о фонетике скифского языка. Не вдаваясь в дискуссию о месте скифского в генетической классификации иранских языков, отметим лишь, что родство скифского с сармато-алано-осетинским, видимо, было не столь близким, как это принято считать. Скифский, в отличие от сарматского, обнаруживает ряд изоглосс, связывающих его с «юговосточноиранскими» языками, распространенными в прошлом и настоящем на территории современного Афганистана, – бактрийским, пушту, йидга, мунджанским. Наиболее

⁵² Там же. С. 116.

⁵³ Так, Ю.Г. Виноградов (Политическая история... С. 94. Прим. 63) «не решался», по его словам, определить, принадлежит ли оно «иранскому или фракийскому языковому ареалу».

показательной, хотя и не единственной, «юговостоноиранской» чертой в скифском является переход *d > l⁵⁴.

В настоящее время можно с уверенностью утверждать, что имя Ἐμνοῦκη⁵⁵ – несомненно иранское, о чем свидетельствует хотя бы уже упоминавшийся суффикс -ак-. Впрочем, и имя как таковое прекрасно этимологизируется из иранского, гесп. скифского. Оно представляет собой причастное образование от индоиранской (и индоевропейской) глагольной основы *min- «уменьшать(ся)» (ср. др.-инд. mināti, греч. μινύθω, лат. minuire 'id' и т.п.) – *minaka, непосредственным рефлексом которого является осетинское иронское тунæг, дигорское minæг «тусклый; затухающий; слабый»⁵⁶, с *а- прива-

⁵⁴ О переходе *d > l в скифском см. Грантовский Э.А. Индо-иранские касты у скифов. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960. С. 20. Прим. 28; Витчак К.Т. Скифский язык: опыт описания // ВЯ. 1992. № 5. С. 52–53; Кулланда С.В. Еще раз о скифском языке // Аспекты компаративистики (в печати). Вопреки мнению Д.И. Эдельман (Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986. С. 169) о связи данного перехода в «юговостоноиранских» языках с ареальными, возможно субстратными, тенденциями, и его относительно позднем возникновении, он засвидетельствован в указанном ареале древнеиндийским топонимом *Bāhlika* (т.е. Бактрия, откуда более позднее Балх), который соответствует авестийскому *Bāhdi-* (с суффиксом -ka), а также древнеиндийским словом *līri*, заимствованным из западноиранского *dīri* (а в конечном итоге из шумерского через эламский и/или аккадский) через диалект, где произошел переход d > l (Грантовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов. М., 1998. С. 106–107). Связано данное обстоятельство, видимо, с сакским, гесп. скифским, происхождением бактрийцев, пуштунов, мунджанцев и йидга (см. об этом: *Marquart J. Grānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i*. В., 1901. S. 226 et al.; Грантовский Э.А. Из истории иранских племен на границах Индии // КСИИА. 1963. LXI; он же. Племенное объединение Paṅcu-Paṅcava у Панини // История и культура древней Индии. М., 1963; он же. О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Душанбе, 27 сентября – 6 октября 1968 г. Т. II. М., 1975; он же. Иран и иранцы... С. 105–109). Появление d в таких скифских именах, как Игдампей (Ἰγδαμπεῖς) (Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3. С. 77–78. № 69. Рис. 1) или Октамасада (Ὀκταμασάδης, Herod. IV. 80), на первый взгляд противоречащее выказанному тезису, объясняется в случае с Игдампеем сочетанием согласных, при котором перехода *d > l не происходило. Второй случай либо объясняется точно так же [если возводить вторую часть имени Октамасада, как и имени божества Тами- или Тагимасада (Herod. IV. 59) к иранскому *mazda – так у Миллера (Осетинские этюды. III. С. 131, с ошибочной ссылкой на Мюлленгофа) и Трубочева (Трубочев О.Н. Indoarica in Северном Причерноморье. Этимология // Этимология 1982. М., 1985. С. 140–142 = Indoarica in Северном Причерноморье. М., 1999. С. 199–201)], либо в нем греческая дельта передает иранский *t [если упомянутая вторая часть восходит к иранскому *mazata – так у Мюлленгофа (Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde III. В., 1892. S. 116; первое издание: Über die Herkunft und Sprache der Skythen und Sarmaten. Monatsberichte der preußischen Akademie des Wissenschaften. 1866. VIII) и Фасмера (Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrußland. Lpz, 1923. S. 15), что, впрочем, кажется менее вероятным, поскольку озвончение глухих происходит относительно поздно, уже в сарматском]. Об имени Мадия см. ниже. Что же касается упоминаемого Геродотом (IV. 76; 120; 126–127) царя Иданфирса (Ἰδάνθυρσος), то соответствующее имя Арриан (Ind. V. 6) приводит в форме Ἰνδάνθυρσος (хотя современные издатели «Индики» предпочитают без объяснений заменять в тексте Ἰνδάνθυρσος на Ἰδάνθυρσος), поэтому Геродотовая передача, возможно, не точна. В таком случае можно вслед за Юсти (Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895. S. 514 – правда, с вопросительным знаком) возводить первую часть этого имени к общеиранскому *winda «находящий, обретающий» (ср. древнеперсидское Vi^hda-farnah «Обретающий фан» – греч. Ἰνταφέρνς, Интаферн).

⁵⁵ Мы предпочитаем этот вариант восстановления именительного падежа альтернативной форме Ἐμνοῦκος, поскольку, как отмечал В.И. Абаев, более древние иранские имена (а в настоящее время можно выразиться и более определенно – именно скифские имена в отличие от сарматских) в греческих надписях Северного Причерноморья передаются с окончанием -ης, отражающим иранскую основу на тематический гласный -а, тогда как окончание -ος отражает более позднюю основу на согласный, образовавшуюся после отпадения конечного гласного. См. Абаев. Осетинский язык... С. 216–217; переиздание работы см. он же. Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. С. 336–338.

⁵⁶ Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–IV. М.–Л., 1958–1989 (далее – ИЭСОЯ). II. С. 140.

тивным⁵⁷. Соответственно имя, дошедшее до нас в форме $\text{E}\mu\nu\nu\alpha\kappa\omicron$ ⁵⁸, должно было звучать в скифском как *Aminaka, и означать, видимо, «Неслабеющий; Немеркнувший». Последнее значение, восстанавливаемое на основании семантики осетинского рефлекса, небезынтересно в связи с представлениями о фарне как божественном сиянии царя, характерными как для иранцев вообще, так и для скифов в частности⁵⁹.

Подобная этимология хорошо вписывается в ряд надежно объясняемых к настоящему времени скифских царских имен, неизменно указывающих на те или иные физические, воинские, обрядовые и тому подобные реальные или желаемые достоинства, либо отражающих определенные формы зоолатрии⁶⁰. Так, имена Спаргапиф ($\text{C}\mu\alpha\rho\gamma\alpha\lambda\epsilon\iota\theta\eta\varsigma$) и Ариапиф ($\text{A}\rho\iota\alpha\lambda\epsilon\iota\theta\eta\varsigma$) (Herod. IV. 76. 78) возводятся к иранским *Spargaraiša («Имеющий головной убор, украшенный ветвями» – частая деталь на изображениях иранских правителей; ср. авестийское sragəuа «побег, отросток»⁶¹) и *Aryaraiša («Имеющий арийский облик»)⁶². Имя скифского царя Арианта ($\text{A}\rho\iota\acute{\alpha}\nu\tau\alpha\varsigma$) означает «Арийский»⁶³, а царское имя Атей ($\text{A}\tau\epsilon\acute{\alpha}\varsigma/\text{A}\tau\alpha\acute{\iota}\alpha\varsigma$) – «Правдивый; Истинный» (ср. авест.

⁵⁷ Относительно передачи скифского а- привативного через греческое *эпсилон* ср. наименование скифских жрецов-андрогинов: греч. $\epsilon\nu\acute{\alpha}\rho\epsilon\epsilon\varsigma$ (Herod. I. 105 и IV. 67) из скифского *a-paγa «немужественные», от паγ «мужчина, муж»; ср. форму $\acute{\alpha}\nu\alpha\rho\epsilon\iota\varsigma$ у Псевдо-Гиппократа (De aëre. 22). Эту этимологию предложил уже Цейс: *Zeuß K. Die Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837. S. 294.*

⁵⁸ В.П. Яйленко (Граффити... С. 79. № 69а) приводил вариант $\text{E}\mu\nu\nu\alpha\kappa\omicron\varsigma$ как менее вероятное прочтение ольвийского граффито первой четверти V в. до н.э. – $\text{E}\mu\nu\nu\alpha$ - (наиболее правдоподобным он считал чтение $\epsilon\mu\nu\ \text{N}\alpha$), но даже принятие такого чтения не ставило бы под сомнение этимологию имени, поскольку, как отмечал сам В.П. Яйленко, через $\epsilon\iota$ могло передаваться *эпсилон* (Там же).

⁵⁹ Ср. скифское царское имя $\text{C}\mu\lambda\tau\alpha\phi\acute{\alpha}\rho\upsilon\eta\varsigma$ < *Xšaitafarna-, «Царственный (или “Сверкающий”) фарн», а также «рационализированный» в греческом стиле рассказ о том, как упавшие с неба золотые предметы, *gesp.* символы царского достоинства, воспламеняются для того, чтобы не достаться недостойному. На наш взгляд, золото, способное воспламениться и даровать своему обладателю власть, есть одно из воплощений фарна; ср. авестийское (Yt. X. 127) «пылающий огонь, мощный кавийский фарн» ($\acute{\alpha}\tau\alpha\varsigma$ uō ura.suxhō uγam uō kavaēm x'arepō) (подробнее см. *Кулланда С.В. Авестийское xšaēta-* и осетинское *bon*: семантические параллели // Василию Ивановичу Абаеву 100 лет. Сб. ст. по иранистике, общему языкознанию, евразийским культурам. М., 2000).

⁶⁰ Оговоримся, что в связи с уточнением представлений о фонетике скифского языка (об этом см. прежде всего: *Витчак. Указ. соч.; Кулланда. Еще раз...*) мы в ряде случаев вынуждены пересмотреть устоявшиеся, в том числе отстаивавшиеся ранее нами самими, трактовки. Если при этимологии не дается ссылки, она принадлежит авторам данной статьи.

⁶¹ Именно такой перевод, в противовес традиционному «Подобный юной лозе/?/», предложил в своей диссертации Э.А. Грантовский. К сожалению, в текст его монографии «Ранняя история иранских племен Передней Азии» (М., 1970), написанной по диссертации, этот пассаж не вошел.

⁶² *Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde III. S. 117.* В обоих случаях отражен рефлекс иранского *raiša- «вид», «обличье» с «юго-западным» θ вместо s. Об этой фонетической особенности скифского и сарматского см. *Абаев. Осетинский язык... С. 240 = Скифо-сарматские наречия. С. 360; Грантовский. Ранняя история... С. 160–162, 195–196, 201–203, 214–216.* Ту же форму, согласно Мюлленгофу (Ibid.), можно видеть и во второй части имени скифского царя Сколопита (Scolopitus) у Юстина (II. 4. 1). Имя Scolopitus следует в таком случае возводить к *Skudaraiša > *Skularaiša и переводить «Имеющий скифский облик». Имеется, однако, и альтернативная этимология: к *Skularipta- со значением «Отец скифов» (*Грантовский. Ранняя история... С. 89–90. Прим. 15.*)

⁶³ *Müllenhoff. Deutsche Altertumskunde III. S. 122; Vasmer. Untersuchungen... S. 12.* Правда, словообразовательная модель в данном случае не вполне ясна, но в скифском она не единична; ср. образованное точно таким же образом имя Мариант ($\text{M}\alpha\rho\iota\acute{\alpha}\nu\tau\eta\varsigma$) у Лукиана (Tox. 50). С мнением Фасмера, полагавшего, что имя $\text{M}\alpha\rho\iota\acute{\alpha}\nu\tau\eta\varsigma$ «подозрительно похоже» на $\text{A}\rho\iota\acute{\alpha}\nu\tau\alpha\varsigma$ (*Vasmer. Untersuchungen... S. 9*) и потому, как и некоторые другие, образовано Лукианом искусственно, трудно согласиться ввиду бесспорно индоиранского характера слова *maγa-; ср. авест. maγub «молодчик, негодай», др.-инд. maγa- «юноша, отрок». О скифском *maγa- как возможном рефлексе индоиранского обозначения членов возрастной группы юношей-воинов писал Э.А. Грантовский (Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 136; в статье опечатка – Тох. 44 вместо правильного 50).

ha'θya-, др.-перс. hašya-, др.-инд. satyá- 'id')⁶⁴. Вырезанное на знаменитом «перстне Скила» царское, судя по всему, имя Аргот (Αργότας) восходит, видимо, к иранскому arg- «быть ценным»⁶⁵. Имя Савлий (Σαύλιος – Herod. IV. 76) в соответствии с упомянутым переходом *d > l следует возводить к общеиранскому *saudya- «(Ритуально) Чистый» (ср. др.-инд. śodhya- 'to be purified'). Имя царя Скилура с тем же фонетическим переходом Σκίλουρος < *skidura- означает «Режущий; Победоносный»⁶⁶; имя его сына Палака (Πάλακος – *Pāḍaka) – «(Высоко)ногий; (Длинно)ногий»; ср. эпитет бога Вайю в Авесте (Yt. XV. 54): bəgəzi.rādb «высоконогий»⁶⁷. Имя скифского царя Ишпакая, упомянутого в ассирийском документе начала 70-х годов VII в. до н.э., восходит к названию животного: либо к aspa- «конь» с характерным суффиксом -ka⁶⁸, либо к *spaka- «пес»⁶⁹. Относительно этимологии имени Анахарсис, которое носил знаменитый скиф из царского рода (Herod. IV. 46; 76–77; Lucian. Anach. passim; Scyth. I. 3, etc.), единого мнения нет. Нам представляется наиболее правдоподобной этимология В.И. Абаева: Ἀνάχορσις из *Ana-x'arəti «неуязвимый», ср. авестийское x'aga- «рана» и ana «без» (нем. ohne)⁷⁰. В имени ле-

⁶⁴ Vasmer. Untersuchungen... S. 12–13; Абаев. Осетинский язык... С. 168 = Скифо-сарматские наречия. С. 291.

⁶⁵ Ю.Г. Виноградов (Перстень... С. 97–98. Прим. 31) в качестве одной из возможных этимологий предлагает, со ссылкой на устное сообщение В.А. Лившица, иранское *arga-uta «Владеющий ценным знанием» (ср. авест. arəg- «быть ценным», aut-/vat- «знать, понимать»). Вторую часть имени можно трактовать и как «сила», учитывая, что именно это значение реконструирует для праиндоиранского *vat- Г. Бейли (Bailey H. Indagatio Indo-Iranica // TrPhS. 1960. P. 70–75). Такая трактовка предпочтительнее предложенного В.Ф. Миллером сравнения с осетинским (диг.) arğud, причастием от глагола arğawin «отправлять церковную службу, читать», при котором имя следовало бы переводить как «Благословенный», поскольку осетинское слово В.И. Абаев (ИЭСОЯ. I. С. 65–66) возводит к корню *grā-, а никаких оснований предполагать, что метатеза *grā > rğā произошла уже в скифском, нет.

⁶⁶ Ср. др.-инд. chidura- «режущий; уничтожающий»; относительно семантического развития ср. курдское biḡa «победоносный», букв. «режущий» – Цаболов Р.Л. Этимологический словарь курдского языка. Т. I. М., 2001. С. 188–189). Впервые предложивший эту этимологию О.Н. Трубачев, будучи одержим идеей о присутствии индоариев в Северном Причерноморье в скифское время, трактовал имя Скилура, несмотря на его типично юговосточноиранскую форму, как индоарийское. См. Трубачев О.Н. Indoarica... (1999). С. 276–277.

⁶⁷ Грантовский. Ранняя история... С. 174–175. Прим. 28. Сугубо скифский фонетический облик имен Скилура и Палака не подтверждает популярную в последнее время гипотезу об отсутствии прямой генетической связи между классическими и поздними скифами (см., например: Зайцев Ю.П. Скилур и его царство (новые открытия и новые проблемы) // ВДИ. 1999. № 2) и подкрепляет мнение о преобладании собственно скифского элемента в позднескифском государстве по крайней мере до рубежа нашей эры (Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979. С. 197).

⁶⁸ Vasmer. Untersuchungen... S. 14. В начале слова перед двумя согласными иранский а воспринимался ассирийцами как протетический гласный и мог заменяться на і (в том числе и в слове aspa-; ср. ассирийские передачи Išpabara и Ispabara наряду с Ašpabara < Aspabāra). См. об этом: Грантовский. Ранняя история... С. 76.

⁶⁹ Грантовский. Ранняя история... С. 265–266. Э.А. Грантовский считал допустимыми обе упомянутые трактовки и приводил ономастические параллели и для той, и для другой. В пользу перевода «Пес» высказывается А.И. Иванчик (Ivančik A. Les guerriers-chiens. Loups-garous et invasions scythes en Asie Mineure // RHR. T. CCX. Fascicule 3, juillet-septembre 1993. P. 326–327).

⁷⁰ Абаев. Осетинский язык... С. 153, 169, 206 = Скифо-сарматские наречия. С. 278, 292, 326. В литературе справедливо отмечалось, что нет оснований постулировать для скифского аланско-осетинский переход *tī > t̄i (совр. осет. с) (см., например: Лома А. Праслав. *xaloga < др.-греч. φαλόγγυ- и скифский переход f > χ // Этимология 1997–1999. М., 2000. С. 94–95. Прим. 13), как это делал В.И. Абаев, но само по себе это обстоятельство не ставит под сомнение предложенную им этимологию, поскольку иранское t̄i также могло передаваться греческим στ – ср. др.-перс. Naḡauvati – греч. Ἀραχωβία. Прочие же этимологии, как-то: к индоарийскому maharṣi «Великий мудрец» (старая этимология Лео Мейера «Незлобивый мудрец», *an-aya-rṣi [Meyer L. Et̄s mic̄a ēv // KZ. V. S. 162. Anm. *], модифицированная О.Н. Трубачевым – Indoarica (1999)... С. 110 = Трубачев О.Н. «Старая Скифия» [Ἀρχαία Σκυθία] Геродота [IV. 99] и славяне. Лингвистический аспект // ВЯ. 1979. № 4. С. 35) или к *a-naḡa-əgəzi «Мудрец-выродок», «Мудрец, враждебный (обо-

гендарного скифского царя Саневна (Σάνευνος) распознается иранское *Sānavaṇa- «Побеждающий врагов», ср. хотаносакское sāna-, осетинское son «враг», авест. van- «побеждать»⁷¹. Одного из скифских царей, воевавших с Дарием, звали Таксакисом (Τάξακις) (Herod. IV. 120). Это имя явно восходит к иранской лексеме, реконструируемой как *taxša-, с примерным значением «стрела; стрелять», от которой, по предположению Бенвениста, происходит новоперсидское taxš «стрела» (встречается в «Шахнаме») и греческое τόξον «лук»⁷². Имя скифского царя VII в. до н.э., записанное Геродотом как Мадий (Μαδίης), свидетельствует, что наряду с переходом *d > l в скифском существовал и взрывной d, который не мог восходить к общеиранскому *d. Последнее обстоятельство заставляет отвергнуть принятую этимологию имени Μαδίης, возводящую его к общеиранскому *madu- «мед» и в соответствии с характерным для ряда восточноиранских языков переходом *-nt- > -d-⁷³ трактовать его как рефлекс индоиранского *mantu (ср. авест. mantu-, др.-инд. mántu- «советник; правитель»)⁷⁴. Имя отца Мадия, Прототий (Πρωτοθύης) (Herod. I. 103), ассирийское Par/Var-ta-tu-a (как неоднократно отмечалось, греческая передача искажена, видимо, под влиянием многочисленных греческих имен на Прото-, а во второй части – греческого θύειν «приносить жертву» или «устремляться»), передает иранское Pṛta-tavaḥ «могучий в битве» (ср. авест. pṛəṭ- «битва» и tavaḥ «мощь, сила»)⁷⁵. К тому же ряду может относиться и имя одного из сыновей скифского царя Ариапифа (Herod. IV. 78) – Орик (Ὀρικος), если вслед за Фасмером считать, что оно соответствует иранскому *Varya-ka (ср. авест. va'rya, др.-инд. várya «отборный, избранный, лучший»)⁷⁶.

Сказанное свидетельствует, что имя Эминака является бесспорно иранским и по своему характеру прекрасно вписывается в достаточно длинный

жествленному Роду» (Лома. Праслав. *xaloga... С. 90), с предполагаемым переходом f > χ в скифском, ср. авест. pāfah «род» – еще более уязвимы и фонетически, и семантически.

⁷¹ Гарматта Я. Мифические северные племена у Гелланика // AAASH. Т. I. Fasc. 1–2. 1951. С. 96–98.

⁷² Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd I. Bern – München, 1959. S. 1059. О связи персидского и греческого слов писали уже в XIX в.: Hübschmann H. Iranica // ZDMG. 1884. Bd 38. Nr 2–3. S. 430. Прочие этимологии: «Скакун», к авест. taxš- «(Rosse) laufen lassen» (Müllenhoff. Deutsche Altertumskunde III. S. 121), к др.-инд. Takṣakā- (Миллер. Осетинские этюды. III. С. 131 – как один из вариантов; эту трактовку в рамках своей теории об индоарийском населении в Северном Причерноморье в скифское время отстаивал в ряде работ О.Н. Трубачев), к авест. tak- «бежать» и осетинскому sag «олень» (< *sāka) со значением «Быстрый олень» (Абаев. Осетинский язык... С. 202 = Скифо-сарматские наречия. С. 322) – представляются менее вероятными.

⁷³ Этот переход отмечен, как и переход *d > l, прежде всего в «юговостоноиранских» языках; ср. йидга lad «зуб» < *danta, и т.п. (см. подробнее: Эдельман. Сравнительная грамматика... С. 163).

⁷⁴ По тем же соображениям название скифского племени у Гелланика (apud Steph. Byz.), Ἀριάβοκοι, вряд ли можно, вопреки принятой этимологии Томашека, возводить к *āma-adaka «сыроеды» (цит. по Vasmer. Untersuchungen... S. 11). В качестве альтернативной этимологии можно предложить общеиранское *a-mantu-ka «не имеющие правителей».

⁷⁵ Грантовский. Ранняя история... С. 204.

⁷⁶ Впрочем, В.И. Абаев (Осетинский язык... С. 187 = Скифо-сарматские наречия. С. 307; подробнее см. ИЭСОЯ. IV. С. 87–88) сравнивал имя Ὀρικος с осетинским иронским wərykk, дигорским wərikka, мунджанским wərgiko, пушту wraу (< *waryaka) и пр. – «ягненок, барашек». Фонетически и семантически безупречны обе этимологии, поэтому мы не считаем возможным отдать предпочтение одной из них, тем более что Геродотов Орик на момент описываемых в «Скифском логосе» событий мог быть ребенком и носить детское имя.

ряд имен скифских властителей⁷⁷. Это обстоятельство, на наш взгляд, подкрепляет предложенную трактовку этнической принадлежности и социального статуса рассмотренного персонажа. Мы, как представляется, можем теперь с большим правом реконструировать неизвестную нарративной истории фигуру владыки Скифии и протектора Ольвии, одного из представителей хорошо знакомой исследователям скифской династии. В этом контексте новое звучание обретает и связь с правлением данного персонажа такого важного в истории города события, как выпуск первого ольвийского чекана. Тем самым обозначается новая существенная веха в истории взаимоотношений причерноморской Скифии с античным миром.

EMINAKES, KING OF SCYTHIA

S.V. Kullanda, D.S. Rayevsky

Olbian coins bearing the legend EMINAKO have long attracted the attention of scholars. It is generally accepted that this word is a genitive of a Barbarian – most probably Scythian – proper name Ἐμινάκος or Ἐμινάκης, while the image on the obverse refers to the Scythians creation myth. However, the origin of the coins remains controversial. They could have been minted either by an Olbian official or a Scythian king/prince holding authority over the city.

Yu.G. Vinogradov advanced a hypothesis that in the 5th century BC Olbia had been under Scythian protectorate and regarded Eminakes as a Scythian king ruling Olbia or, rather, as a viceroy of the Scythian king Octamasades. Given the symbolism of Eminakes's coins, depicting the Scythian investiture, one is entitled to consider the person in question as a Scythian king and protector of Olbia not mentioned by Herodotus. This interpretation is substantiated by the etymology of the name Eminakes as a participle of the verb *min- «to diminish» with a suffix -ka (cf. Ossetic mynæg/minæg [<*minaka] «dim; faint») and a privative a-, hence the reconstruction of the Scythian name as *Aminaka «Indefatigable; Uneclipsed». Such a meaning fits in with those of Scythian royal names invariably implying certain physical, warlike, ritual, and other – either real or imaginary – merits of a ruler. The authors also suggest new etymologies of some other names of Scythian kings.

⁷⁷ Именно в связи с характером скифских царских имен менее вероятной представляется фонетически и семантически столь же убедительная альтернативная этимология имени Ἐμινάκης: из иранского *Naminaka «Летний» (или «Осенний»; ср. авест. hamīna- «летний», ср.-перс. hāmīn «осень», пушту mōnu < *hamīnaka «осень»), с указанием на время рождения носителя имени. Из засвидетельствованных к настоящему времени имен скифских царей не поддаются убедительному объяснению из иранского имени Гнура (Γνωβρος, Herod. IV. 76), Лика (Λυκος, Herod. IV. 76), Скопасиса (Σκόπασις, Herod. IV. 120, 128) и Плина (Plinius. Just. II. 4; упоминается также у Орозия как Plunus). Из них имя Лика обычно считается греческим переводом скифского «идолатрического» имени (λύκος – «волк»), которое по-скифски должно было звучать приблизительно как *Varka (Абаев. Осетинский язык... С. 187 = Скифо-сарматские наречия. С. 308), что представляется весьма правдоподобным, хотя и в реально засвидетельствованной форме имя могло бы быть этимологизировано из иранского: скифское *Lūka-. < *Dūka-, ср. авест. корень du- «гнать, изгонять» – «Гонящий (врагов)». Впрочем, в связи с окончанием -ос, нехарактерным, хотя и возможным, при передаче скифских имен (ср. выше), объяснение из греческого кажется более вероятным. Имя Гνωβρος можно попытаться объяснить как производное с суффиксом -*ura (ср. выше, об имени Скилура) от корня *gan- «бить, убивать» в нулевой ступени gn- (Этимология Трубочева («Старая Скифия»... С. 36 = Indoarica... 1999. С. 111), связывающего имя Гνωβρος с санскритским ganḍīga «вид растения», не слишком убедительна, поскольку санскритское слово не имеет индоевропейской этимологии и, видимо, попало в санскрит уже в Индии). В попытках этимологизации имени Скопасиса, предпринимавшихся Мюлленгофом (он связывал первую часть имени с авестийским šā- «радостный; радость», которое, очевидно, сравнивая с др.-инд. корнем śhad- «казаться; нравиться», хотя в явном виде это в тексте не сформулировано, возводил к *ska-, а вторую сопоставлял либо с др.-инд. (s)raṣ- «наблюдать, следить», либо с авестийским -ra'θya-, др.-перс. -rašīya- (в составе сложных слов) «владение; обладание; власть» – Müllenhoff. Deutsche Altertumskunde III. S. 120), возможно, есть рациональное зерно, но в целом они не бесспорны. Фасмер считал имя Скопасиса похожим на фракийское (Untersuchungen... С. 16). В имени Плина Маркварт (Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Erān. II. Lpz, 1905. S. 78) предполагал передачу греческого *Πολίνοϛ. Если принять эту конъектуру, то имя можно понимать как производное с суффиксом -in от иранского rād «нога», аналогичное по значению имени Палака (см. выше). Так или иначе, этимологии этих имен проблематичны, и мы на них не настаиваем.